

СЕРГЕЙ ЖИВОЙ

**ЖИТЬ НАЗЛО
и ВОПРОЕКИ**

Сергей Живой

Жить назло и вопреки

«Автор»

Живой С.

Жить назло и вопреки / С. Живой — «Автор»,

Сборник «Жить назло и вопреки» состоит из восьми сборников, все стихотворения иллюстрированы фотографиями и рисунками: 1. Что чувствует человек, которому вынесен приговор 25 лет лагерей? Вы узнаете из сборника «Мой Архипелаг – ГУЛАГ» 2. Переживания, чувства, душевные страдания отражены в сборнике «Каторжанская душа». 3. Отношение к жизни, религии, немного философии в сборнике «Гражданская лирика» 4. «Шансон» – здесь одни из лучших песен автора. 5. «Сатира строго режима». Это было бы очень смешно, если бы не было так грустно. 6. Может ли зэк, осужденный на 25 лет любить: женщину, мать, родину, жизнь? Узнаете из сборника «Любовь к жизни». 7. Поэмы «Сибириада», «Сезон охоты», о Сибири и таежной жизни. В поэме «После бала» описана одна трагическая история дореволюционных времен. 8. «Сказки и басни» здесь переданы отношения между людьми, выраженные в иносказательной форме.

© Живой С.

© Автор

Содержание

Сборник «Мой Архипелаг – ГУЛАГ»	5
Архипелаг	5
Четвертак	6
Блудные сыны	8
Покаяние	10
Реквием. (в память о Сергее Кузнецове)	12
Склонен к побегу	13
Венкель	14
Дед	15
Проверка	17
«Школьник»	19
Радио «Шансон»	22
Слова-обращения	23
Сборник «Каторжанская душа»	24
Научите меня равнодушию	24
Кованая роза	26
Моим критикам	27
Ностальгия	29
Память	31
Письмо заочнице	33
Не желайте мне свободы	34
Новый Год в зоне	36
Сборник «Гражданская лирика»	38
Антихрист	38
Быть поэтом русским – это значит...	41
На стихотворение Сергея Есенина «Не жалею, не зову, не плачу»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Живой

Жить назло и вопреки

Сборник «Мой Архипелаг – ГУЛАГ»

Архипелаг

Я напишу в стихах «Архипелаг»
Не хуже, чем Саша Солженицын.
Я напишу про этот наш барак,
В котором каждый может очутиться.
Я напишу о том, как нас конвой
Встречал на зоне с этапа битой.
Я напишу, пока еще ЖИВОЙ!
Чтоб это не было забыто.

Четвертак

И вот зачитан приговор,
Повисла в зале тишина,
Судья поднял тяжелый взор,
Моя судьба им решена.

Лишь матери негромкий вскрик
В той тишине раздался,
Он с болью в сердце мне проник
И там навек остался.

Известен стал теперь мой срок
За все мои дела.
Мне в четверть века дал урок
Тот приговор суда.

Хочу услышать: «Буду ждать!»
От молодой жены,
Но глаз ее мне не видать,
Они отведены.

Меня ей надо разлюбить,
Смешно ведь – столько ждать!
И как же сможет пережить
Мой срок старушка-мать?

Лет двадцать пять тому назад
Я был совсем пацан
И был я жизни очень рад,
И был не хулиган.

Горели счастьем глаза
У матери моей,
И говорила мне она:
«Сыночек, будь добрей».

А кем я стану через срок,
И как предположить,
Пойдет ли впрок такой урок,
Если смогу дожить? -

Я стану дряхлым стариком,
Забудет вся родня,
И где найду такой я дом,
Чтоб приютил меня?

Мне судьи дали крест нести
Лет долгих двадцать пять,
Уж лучше бы без жалости
Меня на нем распять.

Гуманней смертный приговор,
Чем срок на четвертак.
Лишь передернутый затвор -
И ты – на небесах.

Блудные сыны

Не надо отчизну нашу укоряять,
Что выпала такая нам судьба,
Ведь наша Родина – Мать
Переживает плохие времена.
Между своими поделили и расхитили
Богатства России демакратические правители,
Превратили ее в придаток сырьевой
Для стран, что шли на нас войной.
Они, как аккупанты, страну готовы выжать,
А наш народ мечтает: «Дай Бог хотя бы выжить».

Мы – зэки, блудные сыны отечества,
Отбросы общества, изгои человечества;
Но обратись к истории России,
Как добывались в катаржной стране
Ведикие победы индустрии.
Мы экономику еще и при царе,
Прикованные к тачкам, поднимали,
И на костях тех каторжников клали
Пятьсот километров Транссиба в год.
Когда же свергнут был царь Кровавый
И ГУЛАГ стал выкашивать народ,
Нас миллионы пали пылью лагерной,
Чтоб было светлым кому-то будущее
(В котором олигарх сейчас живет).

Но наступило время худшее:
Война Отечественная настает.
Фашистами в кольцо взят Ленинград,
Тяжелые бои идут за Сталинград.
В пылу великого сражения
Москва под угрозой окружения.
Мы добровольцами ушли в штрафбаты,
В атаке рукопашной «За Родину!» кричали,
Забыв, что Родину от нас оберегали
Войск НКВД заградотряды.
После Победы не отпустили нас в запас,
Опять – по лагерям, поднимать страну из пепла,
Построили, к примеру, мы Ангарск,
Попали из полымя снова в пекло.

Настали сейчас другие времена:
В Союз Европы скоро влезем с потрохами,
Но будут каторжных традиций семена
Всегда произрастать драконьими зубами.
Пример тому наш Кодекс Уголовный,
В нем рабства дух и геноцид народный,
Для каждого статья найдется,
Кто не сидел, не думай: «Обойдется»,
А сроки наказания в три таза больше стали,
Чем во времена, когда строною правил Сталин,
Чтоб непокорных русских всех пересадить,
А Русь послушными китайцами позаселить.
Уже сейчас к востоку от Урала
Китайцев больше русских стало!

Родина!
Ведь мы твои сыны!
И наша в том вина,
Что оступились мы.
Не забывай нас, Мать!
А если вдруг придет угрозы час,
Забыв обиды, тебя мы будем защищать,
Как это было в старину уже не раз.

Покаяние

Все лучшее, что есть во мне,
Я взял от матери родной
И благодарен ей в душе,
Что был воспитан добротой.

Жизнь порой меняет нас,
С годами делаемся злей,
Но получаем в трудный час
Мы помощь наших матерей.

Я на колени встать хочу
Пред матерью своей,
Но почему-то не прошу
Прощения при встрече с ней.

Когда один я, без нее,
Шепчу я про себя: прости,
Родная, ты за все -
Такой я непутевый сын.

И не впервой тебе прощать
Бедову голову мою,
Но ты поверь, прошу я, мать,
Я часто сам себя корю.

Прости, что в юности тревоги
Тебе я часто доставлял,
Прости, что в дальние дороги,
Не попрощавшись, уезжал.

Прости за то, что я был груб
Порой в общении с тобой,
На слово доброе был скуп
Для своей матери родной.

Прости за дочерей моих,
Что позабыли про тебя,
А заодно прости и их,
Пусть будет Бог им всем судья.

Отказывая во всем себе,
Ты вырастила сыновей двоих.
Прости, что я сижу в тюрьме,
А брата нет давно в живых.

Прости, что на закате лет
Тебе нет помощи моей,
И что меня с тобою нет,
Когда я стал всего нужней.

Я знаю, ты за все простишь,
Мама добрая моя,
Вот только совесть не простит,
Она бесстрастная судья.

Реквием. (в память о Сергее Кузнецове)

Прощай мой друг, прощай. Не выжил ты в неволе.
Измученное сердце закона гнет терпеть не стало боле,
Разорванной аортой закончило оно существованье
И разом оборвало твои тюремные страдания.
Ты умер на моих руках в обители презренной,
И я не смог тебя спасти от смерти верной.
В небытие тебя я проводил, держа за руку,
И, умирая, видел ты лицо подельника и друга.
За наше дело судом отмерен тюремный срок.
Потомок волных казаков, ты в рабстве жить не смог,
Ушел ты все-таки в последний свой побег,
Сбежал туда, откуда никому возврата нет.
Сейчас твой бесприглядный прах на городском кладбище
Покоится среди таких же бедолаг, которых там уж тыщи.
И если в чем-то виноват, мой друг, меня прости,
Теперь мне одному придется этот крест нести.

Склонен к побегу

Он склонен к побегу,
Пытался бежать,
Но беглых по снегу
Нетрудно поймать.

Собаками рвали
На части его,
Потом сапогами
Пинали в лицо.

Отбили все почки,
Чтоб кровью он ссал.
Вина его – очень
По маме скучал.

В ШИЗО умирая
На грязном полу,
Он бредил: «Родная,
Я скоро приду».

Венкель

Нацистские концлагеря.
Смерть от голода. Смерть от газа.
Их людям забывать нельзя,
Чтоб не вернулась фашистская зараза.

Знак нации на рукаве.
Он по-немецки «венкель» назывался.
И каждый узник с ним нигде
До самой смерти не расставался...

Я в зоне понял – не забыт
Нацистский опыт и поныне.
По масти на рукав нашит
Мне треугольный венкель в карантине.

Дед

Мой дед веселого был нрава.
Мог пошалить немножко,
Его любимую забавой
Была старинная гармошка.
И от его частушек бабы
В платки смущенно улыбались,
А мужикам того и надо -
Смеясь, за животы хватались.
Меня он плавать научил,
Однажды сбросив с лодки.
За это финку подарил -
Трофей германскойковки.
Учил с рогатки нас стрелять,
Мол, в жизни пригодится,
Шутил: «А вдруг война опять?
Тогда с врагом сразимся!»
Но про войну он не любил
Рассказывать нам были,
А в День Победы горько пил
И плакал – раны ныли.
Вопрос однажды я задал
Ему в обычной прозе:

– А где ты, деда, воевал?
– Да так, ходил в обозе...
И только лишь когда подрос,
Узнал секрет от бати:
– Какой там, к дьяволу, обоз! -
Твой дед служил в штрафбате.
Не заслужил дед орденов
Атакой рукопашной,
Но десять синих кунолов
Виднелись под рубашкой.

Проверка

Холодный ветер подметает плац.
Колючим снегом бьет в лицо поземка.
Сегодня долго проверяет нас
Совсем зеленый мусорок – мальчонка.

Уверен он: проверка – не пустяк,
Доверено ему ответственное дело...
На шмоне отмели единственный тепляк,
И от того так мерзнет мое тело.

Мороз румянит щеки мусорка.
Сверяет лица тщательно на снимках...
А я в мечте о шерстяных носках
Не чую ноги в кирзовых ботинках.

Закончил бы проверку побыстрей,
Сбежать отсюда кто-то в силах будто...
Мороз пробрался до моих костей,
И это было так ему нетрудно!

Ведет проверку мусор неспеша,
Ведь у него от холода есть средства...
Ну, а моя промерзшая душа
В аду лишь только сможет отогреться.

«ШКОЛЬНИК»

В те нулевые годы
Родился волчий капитализм.
Рожденье хищного уroda
Напоминало катаклизм.
Разбогатела кучка негодяев,
Которых мы прекрасно знаем,
Повергнув массы в нищету,
И ими переполнила тюрьму.
Реформы новые народ
Отметил криминалом,
Никак не ожидал он
Такой вот оборот:
Боролись с ним,
Его «мочили»
В его же собственном сортире.

Я к новой жизни не привык -
Сказалась советская закалка,
Преступный замысел возник
На ограбленье банка.
Но был я арестован и судим.
И вот уже не гражданин,
Без криминального таланта

Пошел дорогой арестанта.

Из зоны в зону прибыл я этапом.
Из рта шла пена -
Орал конвой, и смена
Нас принимала матом.
Рвались собаки с поводов.
Нас гнали с автозака, как скотов.

Средь нас был юный уголовник,
За молодость свою
Носил он кличку «Школьник»,
Его короткую судьбу
Узнал в «столыпинском» вагоне.
Таких ребят немало ноне -
Рожденный матерью на зоне,
Он никогда не видел воли.
Жизнь без родителей, детдом,
Не знал заботы и любви,
Он руки замарал в крови,
На «малолетку» сел потом.
Теперь вот взрослая тюрьма
Пред ним раскрыла ворота.

Живя лишь жизнью тюремной,
Горел романтикой блатной,
Считал, идет дорогой верной,
И был доволен он судьбой.
Его понятиям учили
Авторитеты и блатные.
Мечтал он только об одном -
Как стать бродягой и вором.
С лицом святым – пиши иконы,
Он ростом был невидный,
Имел характер безобидный,
А в общем, малый был толковый.
Такой вот Школьника портрет,
Простите, но другого нет...

Раздетый худенький парнишка
Стоял пред пьяным капитаном,
Орал тот матом громко слишком:
«Ты что стоишь здесь истуканом?!
Ответь-ка лучше, дорогой:
По жизни будешь кто такой?»
Ответил парень, голосом дрожа:
«Шпанюк» – тюремщик выпучил глаза:
«Ты выбери из двух -
Мужик или петух.

И масти нет у нас другой.
Кем называешься?» – «Шпаной!»
Бить голого – как это подло!
Тем более для офицера,
Но здесь у них своя манера,
И бить тогда нас было модно.
Что было дальше, я не слышал,
Парнишку уволокли под «крышу».

Радио «Шансон»

Здесь не бросаются словами,
Ругаясь, не поминают мать,
За это можно пострадать.
Вот слово брошено порочно,
А в рукаве уже заточка,
Рука хватает чей-то ворот,
Для драки появился повод.
Но крикнул кто-то: «Зэки, тихо!»
Здесь, на „Шансоне“ Шуфутинский Миха!»
Забыта ссора, сброшен тон -
Звучит «Таганка» на радио «Шансон».

Слова-обращения

Когда на рублях был Ленин,
И партия руководила всеми,
Друг другу мы «товарищ» говорили.
Но смысл его виликий позабыли.
А повелось оно с тех пор,
Когда Стенька Разин, Казанский вор
И сотоварищи по Волге-матушке гуляли
И с товаром струги купеческие брали.
Большевики то слово полюбили
И с пользой для себя употребили.
Сейчас орел двуглавый заменил «венки».
И все советское искоренить спешим.
Все чаще говорим «браток»,
Язык не произносит «господин».
В тех обращениях что толку? -
Всего одни слова и только!
А вот когда закон я преступил,
То я узнал, что значит «гражданин».
И вот: тюрьма, этап и зона
Нас приняла в безжалостное лоно.
И как обрадовались мы
Родному слову «пацаны»!

Сборник «Каторжанская душа»

Научите меня равнодушию

Научите меня равнодушию,
Чтоб не чувствовать боли чужой,
Научите, а я вас послушаю,
Может, стану совсем я другой.

Чтоб при встрече калеки безногого
Боль не чувствовать ниже бедра,
Чтобы сердце так сильно не ёкало
И спалось бы потом до утра.

Чтоб при виде старенькой матери
Мне б слезу свою не глотать,
Научите меня обязательно,
Как без слез смотреть мне на мать.

На бездомных сирот малолетних
Научите без боли смотреть,
И при мыслях о собственных детях
Научите душой не болеть.

Научите меня без печали

На продажных женщин взирать,
Эти женщины очень устали
Жить без нас и детей поднимать.

Научите, как всех осужденных
Никогда бы мне не жалеть,
Чтоб сказать: «Так и нужно им,
Ведь кому-то же надо сидеть!»

Научите меня равнодушию,
Чтобы мог я сдержаться, пока
Все власть и деньги имущие
На законы плюют свысока.

Научите быть равнодушным,
Пусть я стану сволочь и гад,
Но зато, может, стану послушным
И не буду ни в чем виноват!

Кованая роза

Откована стальная роза
Трудами каторжанских рук.
В кусок железа (жизни проза!)
Был кузнеца заложен дух.
Не увядает роза эта,
Цветет она всегда, как вновь.
Руками мастера воспета:
Свобода, верность и любовь.

Моим критикам

Пусть мой стих не нежен,
Красоты не видно,
Но в нем правда режет,
Как по сердцу бритвой.

Пусть строфа не четка,
Техника «хромает»,
Но тут, за решеткой,
Стихи мои читают.

Не нужна мне лесть,
Да ее не будет,
Говорят мне здесь,
Что стихи «по сути!»

Видел, как украдкой
В горле ком глотали,
Возвратя тетрадку
Молча каторжане,

Видел, как смеялись
Над моей сатирой,
Это постарались
Мы с веселой лирой.

И не зря я душу
Изорвал всю в строки,
Стих мой очень нужен
Тем, кто тянет сроки.

Ностальгия

И вот еще одно уходит лето,
Прохладный воздух пахнет сентябрем,
Но благодарны мы ему за это,
Не ценится здесь время и не грустят о нем.

Норд-вест принес дожди и слякоть,
Холодный ветер рвет с берез листву.
Над зоной тучи не устанут плакать,
А память о прошедшем не дает уснуть.

Когда-то также на излете лета,
Лишь только начала светлеть листва,
Я повстречал девчонку эту,
Дороже жизни стала мне она.

Как можно объяснить такое чудо,
Быть может, виновата уходящая пора,
Взглянули мы в глаза друг другу
И поняли, что будем вместе навсегда.

Год прожили в греховном счастье,
И съемная квартира стала нам Эдем,

Но вместо колец для новобрачных
Закон суровый мне наручники одел.

Теперь мне постоянно в это время года,
Хотя уже немало лет прошло,
Грусть ностальгии приносит непогода,
Как будто все вчера произошло.

Ко мне уж тоже осень подступилась,
И я готов ее с благодарностью принять,
Но память счастья навсегда осталась,
И это то, что у меня нельзя отнять.

А дождь все бьет и бьет в окно барака.
Песнь северного ветра навевает грусть.
Всю ночь над зоной тучи будут плакать,
А мне сегодня так и не уснуть.

Память

Листвой пожухлой осень шелестела.
Свинцовых туч тяжелый небосвод
Снежинки первые пробрасывал несмело;
А я заканчивал очередной свой год
В местах лишения свободы.
С годами я почти забыл,
За что лишен свободы был,
И только дни осенней нерогоды
Напоминают мне о том,
Как много лет назад я дом
Родной в наручниках покинул,
Для тех, с кем был, я сгинул,
Ушел как будто в мир иной,
Что называется тюрьмой.
Жизнь по ту сторону забора,
Что жизнь на Марсе для меня,
Что я прожил до приговора,
Лишь были сновидения,
А наяву живут лишь здесь:
Не надо убеждать меня в обратном,
Мне эти сны всегда приятны,
Ведь у меня лишь это есть.
Что было раньше, только сон:

Счастливый в детстве ветрогон
С такими же в реке купался,
А в ней зеркально отражался
Лазури нежной небосвод
И радуги веселый свод,
Прогулка ночью под дождем
С девчонкою, что босиком
Идет счастливая по лужам,
И только я один ей нужен,
Свет фонаря в асфальте мокром,
Несмелый поцелуй, потом
Девчонка эта со слезами
Бегом за поездом, что с пацанами
Служить увез нас на границу,
Потом опять родные лица,
И первенца улыбка,
И совершенная ошибка -
Все это не было.
А если было,
То не со мной. То был не я.
А я – проверка, плац, столовая и баня.
Да осень каждый год, да... память,
Которая обратно без спроса возвращает.

Письмо заочнице

Вы мне напишите, непременно напишите.
Ожидания слова доброго вы услышите.
Одиночества мы письмами сломим постылые.
Может станем друг другу мы милыми.

Мы не молоды, но счастья всем хочется.
Обращаюсь к вам по имени-отчеству.
Не гнушайтесь моим положением,
Когда-то кончится и мое осуждение.

Будем письма ждать с нетерпением.
Я здесь по недоразумению.
Я хороший, добрый и ласковый.
Мне бы фотку, чтоб взглянуть в глазки вам.

А потом, может быть, на свидание,
Вы придете ко мне, долгожданная,
И наступит такое мгновение,
Когда кончатся наши терпения.

У меня не строгие требования.
Отправляю письмо до восребования.
Если в нем крик души вы услышите,
То напишете вы, непременно напишете...

Не желайте мне свободы

Не желайте мне свободы.
Мир – пожизненно тюрьма.
Мне еще не дни, а годы
Жить без вас, мои друзья.

Не желайте мне погоды:
Солнца, радуги, тепла.
В непогоду легче ведь
В душной камере сидеть.

Не желайте денег, злата -
Это было у меня,
Я и так живу богато:
Шконка, шлемка, простыня.

И любви желать не надо,
Я расстроюсь только зря.
Что смогу любимой дать? -
Лишь свиданье ожидать!

Не желайте дружбы верной -
Верность кончилась тюрьмой...
Пожелайте мне, наверно,

Как поется в песне той:

«Если смерти, то мгновенной
Если раны – небольшой».
И в бою хоть раз опять,
Перед смертью погулять!

Новый Год в зоне

К нам в лагеря приходит Новый Год,
Не тот год, что дают по приговору,
Из хлебных крошек приготовим торт
И чифиру наварим мы густого.

Наш старшина откуда-то вчера
Живую ель на праздник притаранил,
Пускай она общипана слегка,
Но душу запах детства ранит.

Достанем фотографии родных.
По прошлому взгрустнем, вздыхая.
У всех нас, пожилых и молодых,
Судьба начертана такая.

По ОРТ страну поздравит Президент,
Успехи он народные отметит,
Но наш специальный контингент
Он в этом поздравление не заденет.

В бараке дым стоит столбом
И каждый стал немного весел.

Играет «Радио Шансон»
Одну из лучших своих песен.

Сборник «Гражданская лирика»

Антихрист

Что в Бога я не верую,
Мне стыдно говорить,
Но грешною душою
Я не хочу кривить.

Я атеизм в себя впитал
Еще в утробе матери.
Учили Маркса «Капитал»,
А веру всю утратили.

Сейчас же в моде клерикалка:
Носить на шее крест,
Читать молитвы по шпаргалке
И тихо ждать чудес.

Сегодня у руля страны,
Кто раньше был в КПСС,
Они на людях крестят лбы,
Как показатель процесс.

Один известный олигарх,
Разграбив полстраны,
Укрылся в лондонских церквях
Замаливать грехи.

Чиновник, берущий взятки,
Ведь тоже носит крест,
Ведет он речи гладко,
А душу занял бес.

В одной церквушке попик
Был сам весь как елей
И целовал он в лобик
Всех маленьких детей.

Старушки умилялись
От святости такой,
Последние копейки
Несли на храм святой.

Но вот решил тот попик:
«Я долго был святой,
Зажить богато, что ли?»-
Удрал со всей казной.

Пусть я безбожник,
Каноны церкви не блюду,
Но совести побольше,
Чем в тех, о ком здесь говорю.

И верю в Русь святую,
«Ее особенную статью»,
И как пример хочу я
О маме быть сказать.

От матери не слышал
Молитв я никогда,
Но если б мог, Всевышний
Сказал: «Она свята!»

Я как-то раз заметил,
Тихонько, под локоток,
Все деньги на стройку храма
Мать бросила в лоток.

На взгляд мой удивленный
И на вопрос немой
От матери родимой

Я внял ответ простой.

В ответе все сказалось,
Перечить я не смог:
«Пусть люди Богу молятся,
Мы русские, сынок».

Конечно, вера нам нужна,
И с этим я не спорю,
Чтобы страдальная душа
Легче сносила горе.

Но мучает меня вопрос,
Покоя не дает такая дума:
Как мог еврей Христос
Повергнуть русского Перуна?

Быть поэтом русским – это значит...

Быть поэтом русским – это значит:
Не писать стихи во имя благ,
Не кривить душой, тем паче,
Воспевать лишь Родину, не флаг.

Правду жизни не нарушить рвением
Угодить держащимся за власть,
И современным поколеньем
Понятым, быть может, и не стать.

Быть поэтом русским – это:
С каждой строчкой душу свою рвать.
Ну а если честь задета -
Подлецов к барьеру вызывать.

Никогда не отрекаться
От своих детей – стихов
И не коленопреклоняться,
Хоть под гнетом собственных оков.

Быть поэтом русским...
Далеко не каждому дано
Рассказать о нежных чувствах,
Находясь в тюрьме уже давно;

Воспевать все прелести заката,
С кровью из души выхаркивая слово,
Зная, что не сегодня-завтра
Плаха, может быть, уже готова.

На стихотворение Сергея Есенина «Не жалею, не зову, не плачу»

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.*

*Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.*

*Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!*

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

*Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвести и умереть.*

Не жалел, не звал я и не плакал,
Не боюсь. Не верю. Не прошу.
Том Есенина по всем этапам,
Как святыню, я с собой вожу.

Сколько лет ты будешь еще биться,
Сердце, тронутое чифирком?
В ту страну уж мне не возвратиться,
Где я в детстве бегал босиком.

Дух бродяжий так же, как и прежде,
Крови не дает моей остыть.
Силы есть, а значит – есть надежда,
Что свой срок смогу я пережить.

Лишь одно горит во мне желанье -

Воля! Или ты приснилась мне?
Мне б хоть раз весенней гулкой ранью
Проскакать на розовом коне!

Все мы, все мы в этом мире тленны,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.